

К вопросу об универсальности понятийного аппарата современной западной философии: японский кейс

Л.Б. Карелова

Институт философии РАН, Москва, Россия

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-6-100-113

Оригинальная исследовательская статья

Аннотация

Уже не первый год в академическом сообществе обсуждается проблема существования единого метаязыка, общей понятийной рамки современных социогуманитарных наук, прежде всего философии. В статье приводятся аргументы, позволяющие подвергнуть сомнению утверждение, что в XX в. таким единым языком стал язык западной философии. В качестве фактологической доказательной базы аргументации исследуются особенности восприятия и дальнейшего применения западной философской лексики в Японии XIX – первой половины XX вв. на конкретных примерах перевода и осмысления понятий западного происхождения, таких как «метафизика», «этика», «логика», «субстанция», «субъект» и др., в трудах видных мыслителей эпохи – Ниси Аманэ, Иноуэ Тэцудзиро, Нисиды Китаро, Вацудзи Тэцуро. Также приводятся примеры создания современными японскими философами – Кимурой Бином, Хиромацу Ватару и др. – новых оригинальных концептов, не имеющих западных аналогов. Автор приходит к выводу, что общая понятийная рамка, которой оперирует современная философия, представляет собой весьма динамичный и открытый механизм, способный трансформироваться в разных культурных контекстах и с появлением новых проблем, требующих осмысления. В статье предпринимается попытка установить факторы, обеспечивающие философскую коммуникацию различных культур на понятийном уровне, а именно – наличие объединяющей проблематизации и хотя бы частичное пересечение смыслов ключевых понятий. Автор ставит проблему появления новых подходов и идей в ситуации «конфликта интерпретаций» или неполного совпадения значений одноименных концептов, используемых сторонами диалога, подвергая сомнению возможность, необходимость и правомерность требования точного воспроизведения смыслов и «вживания» в другие культуры.

Ключевые слова: язык, понятийный аппарат, межкультурная коммуникация, диалог, японская философия, Ниси Аманэ, Иноуэ Тэцудзиро, Нисида Китаро, Вацудзи Тэцуро.

Карелова Любовь Борисовна – кандидат философских наук, старший научный сотрудник сектора восточных философий Института философии РАН.

lbkarelova@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-8207-801X>

Для цитирования: Карелова Л.Б. (2019) К вопросу об универсальности понятийного аппарата современной западной философии: японский кейс // Философские науки. 2019. Т. 62. № 6. С. 100–113. DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-6-100-113

On the Problem of the Universality of Modern Western Philosophy Conceptual Framework: The Japanese Case

L.B. Karelova

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-6-100-113

Original research paper

Abstract

Many years the academic community has been discussing issues of a universal metalanguage as the general conceptual framework of modern social and humanitarian research, especially of philosophy. The article questions the claim that the language of Western philosophy was already accepted as a unified tool in the 20th century. The peculiarities of perception and further application of Western philosophical terminology in Japan in late 19th – first half of the 20th centuries are investigated here as a factual evidence base of argumentation. Special attention is given to examples of translation and interpretation of some concepts of Western origin, such as metaphysics, ethics, logic, substance, subject, etc., as observed in the works of eminent thinkers Nishi Amane, Inoue Tetsujiro, Nishida Kitaro, and Watsuji Tetsuro. The paper provides examples of new original concepts (as they did not have Western equivalents) developed by modern Japanese philosophers, such as Kimura Bin, Hiromatsu Wataru et al. The author concludes that the general conceptual framework that modern philosophy operates with is a very dynamic and open system, capable of transforming in different cultural contexts and in keeping with newly emerging issues that require analysis. The article identifies factors that provide philosophical communication between different cultures at the conceptual level, that is, the presence of a common circle of problems and presence of partial overlap between the key concepts. The author poses the problem of the emergence of new approaches and ideas in a situation of “conflicting interpretations,” or incomplete equivalence of

similar notions when used by the parties in a dialogue, casting doubt on possibility, necessity and reasonability of exact reproduction of meanings and “complete domestication” in other cultures.

Keywords: language, conceptual apparatus, intercultural communication, dialogue, Japanese philosophy, Nishi Amane, Inoue Tetsujiro, Nishida Kitaro, Watsuji Tetsuro.

Liubov B. Karelova – Ph.D. in Philosophy, Senior Research Fellow at the Department of Oriental Philosophies, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

lbkarelova@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-8207-801X>

For citation: Karelova L.B. (2019) On the Problem of the Universality of Modern Western Philosophy Conceptual Framework: The Japanese Case. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 62, no. 6, pp. 100–113. DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-6-100-113

Введение

Поводом для написания данной статьи стало прошедшее в Институте философии РАН обсуждение проблемы, сформулированной А.А. Крушинским: обладает ли западноевропейская понятийная матрица в настоящее время статусом единого понятийного пространства и выступает ли она в роли трансквилизационного языка философии? Наиболее аргументированным способом решения этой проблемы может быть только непосредственное исследование понятийного аппарата, которым оперируют современные философы в разных странах. Поэтому задачей настоящего небольшого исследования является рассмотрение примеров восприятия языка западной философии в Японии в эпоху Мэйдзи (1868–1912) и его функционирования в современном японском философском дискурсе.

В результате будет предложен ответ на вопросы: действительно ли язык западной философии выступает сегодня в качестве единого метаязыка, а также возможен ли в принципе такой философский метаязык, каковы границы его применения и насколько жесткую рамку он создает, а также является ли единый понятийный аппарат определяющим фактором, обеспечивающим смыслотворчество и интеллектуальный обмен в современном мире?

Общий подход к проблеме

Начнем с общих замечаний, которые нельзя упускать из виду, рассматривая данную проблему.

В действительности не существует стерильных условий, когда использовался бы только западный или только незападный категориальный аппарат. Такая ситуация невозможна, особенно – в современном мире. Не существует закрытых статических систем. Кроме того, сама западная философия далеко не однородна.

Философствование – это процесс вопрошания, постоянного переосмысления, которое происходит в ходе диалога и предполагает критику как неотъемлемое условие существования философии. Здесь уместно вспомнить подход Поля Рикера, рассматривавшего историю философии и собственно философию как общение, в котором «сталкиваются как прежние, так и ныне существующие позиции, близкие по духу или кардинально противостоящие друг другу» [Вдовина 2008, 6]. В связи с этим нельзя не учитывать тот факт, что сама западная философия имеет много направлений, она меняется, трансформируя и обогащая свой язык. Даже само понятие «философия» получило множество интерпретаций. Проблема общепhilosophического языка – это проблема, которую невозможно рассматривать вне контекста реалий межкультурной коммуникации, проблем перевода и понимания. В процессе межкультурной коммуникации послание представителя одной культуры, сформулированное посредством определенного набора понятий, рожденных этой культурой, неизбежно подвергается интерпретации реципиентом, опирающимся на собственную культурную перспективу и воспринимающим ключевые понятия, исходя из опыта традиции, к которой он принадлежит. При этом неизбежно в той или иной мере происходит абберрация смыслов.

Особенности рецепции понятийного аппарата западной философии в Японии в конце XIX – начале XX вв.

В последней трети XIX в. благодаря усилиям Ниси Аманэ (1829–1897) состоялось знакомство японцев с западной философией, появились первые переводы философских понятий на японский язык, в том числе и самого понятия «философия». Несмотря на то, что большинство из этих понятий не имело аналогов в японском языке, для перевода использовались иероглифы, несущие в себе определенные смыслы, связанные с мировоззрением японской культуры. Поскольку интеллектуальная традиция Японии формировалась благодаря взаимодействию компонентов целого ряда азиатских религиозно-философских учений, в новой переводной

философской лексике можно обнаружить следы практически каждого из них.

При переводе западной философской лексики были заимствованы смысловые компоненты, а иногда и целые выражения из китайских классических конфуцианских книг «И-цзин», «Чжун юн», «Ли цзи», «Лунь Юй» и т.д.

Для японской мысли изначально не было свойственно создание систематизированных метафизических учений, а следовательно, и не была разработана соответствующая терминология. Само понятие «метафизика», использующееся по сей день, было сконструировано в период Мэйдзи путем терминологического заимствования определения *Дао* как «существующего вне телесных форм» из чжана 12 «Комментария приложенных слов» («Си цы чжуань») «И-цзина». Таким образом, метафизика получила наименование «науки о том, что превосходит формы» (*кэйдзидзёгаку* 形而上学), сохраняя определенную связь с древнекитайскими представлениями о *Дао* как «пути Неба и Земли».

Понятие «этика» (*ринригаку* 倫理学), вошедшее в употребление благодаря Иноуэ Тэцудзиро (1855–1944) [Эдзима 2015, 137], имеет в своем составе иероглиф *рин* 倫, использовавшийся для обозначения основных отношений в конфуцианстве – между государем и подданными, отцом и сыном, мужем и женой, старшим и младшим братьями, друзьями, о которых впервые упомянуто в «Мэн-цзы». Таким образом, понятие «этика» в Японии уже с самого начала предполагало во главе угла человеческие отношения. В дальнейшем один из самых ярких философов Японии, автор знаменитой книги «Этика» (1931 г.), системно обосновал понимание этики как науки об отношениях между людьми, основываясь на понимании человеческого существования (*нингэн сондзай* 人間存在) как диалектического единства индивидуального и социального начал [Вацудзи 1962].

Иероглифическое обозначение ряда понятий перешло из древнекитайской философии без изменений. К примеру, китайское понятие *даодэ* 道德 (досл. «путь и благодать») органически вошло в японскую философскую лексику уже на ранних этапах ее формирования и сохранилось до сих пор, выступая в качестве эквивалента понятий «мораль», «нравственность».

Понятие «логика» в японском языке появилось также благодаря Ниси Аманэ, который в 1874 г. опубликовал первое в Японии сочинение по формальной логике «Тити кэймо» («Логика и

просвещение») [Ниси 1960, 390–450]. Первоначально эквивалент понятия «логика» 致知学 (досл. «наука о доведении знания до конца») [Сино 2014, 104] был взят им из китайской классической книги «Да сюэ», где «доведение знания до конца» выступает как одна из восьми ступеней, ведущих к достижению «трех великих устоев» конфуцианского пути – «высветление светлой благодати, породнение с народом и остановка на совершенном добре» (см.: [Конфуцианское четверокнижие 2004, 78, 91–94]).

В составе целого ряда философских терминов присутствуют ключевые понятия неоконфуцианской философии – «природа», «принцип», «сердце-сознание» и т.д. Так, для обозначения понятия «сущность» часто использовался общий для неоконфуцианства и буддизма термин «истинная природа» (*хонсё* 本性), разум, расудок (*рисэй* 理性) и т.п.

Буддийские термины и часто употреблявшиеся в буддийских текстах слова были использованы, к примеру, для перевода понятия «причинность» (*инга* 因果), что также имеет значение «карма» (влияние действий на последующую жизнь и будущие перерождения), индивидуальное «я» (*га* 我, *дзико* 自己), которое сохранило смысловой оттенок эгоцентризма и иллюзорности и т.д.

Терминология, связанная с исследованием сознания, – важной части буддийской философии – нашла свое отражение в переводах классиков немецкой философии и трудах самих японских философов XX в. Для философского понятия «сознание», ставшего использоваться в том числе при переводе сочинений западной философии, был выбран эквивалент *сики* 識, соответствовавший санскритскому термину *vijñāna* в буддизме, и, следовательно, употребление этого термина в новом контексте не могло быть свободным от смыслов, свойственным виджнянаваде. Понятие «самосознание» (*дзикаку* 自覚), которым оперирует современная японская философия, тождественно по написанию дзэн-буддийскому термину, обозначающему постижение собственной подлинной природы, являющейся природой будды.

Таким образом, восприятие ключевых понятий и идей западной философии и прежде всего таких ее разделов, как этика, метафизика и логика, японскими философами эпох Мэйдзи (1867–1912) и Тайсё (1912–1926) происходило при опосредовании китайской философии и буддийской мысли.

Продолжающийся философский диалог с Западом

Западная философия в начале XX в. во многом выступала в качестве другого, альтер-эго для японской философии и прочих национальных философских дискурсов.

Некоторые понятия западной философии так и остались понятиями западной философии для японцев, хотя для них и были подобраны японские эквиваленты. К примеру, понятие «субстанция». До сегодняшнего дня оно характеризуется как понятие, использовавшееся рядом западных философов, а также чарваками и локаятиками в Индии. Это объясняется тем, что представление о субстанции было чуждо для японцев, т.к. шло вразрез с буддийским мировоззрением. Понятие субстанции в Японии в позитивном смысле интерпретировалось преимущественно марксистами. С этим связано и отсутствие единообразия в переводе на японский язык данного понятия. Ниси Аманэ начал в качестве эквивалента этого понятия использовать термин *дзуттай* 実体 («подлинное тело»). Он различал субстанцию и ее атрибуты [Nakahata 2018, 30]. Иноуэ Тэцудзиро и Арига Нагао в составленном ими словаре философских терминов «Тэцугаку дзии» (1881) предлагали в качестве эквивалентов понятия «substance» понятие *хонсичу* 本質, что означает «изначальная сущность», а также *тайкёку* (кит. *тайцзи*) 太極 – «великий предел», т.е. предельное состояние бытия, термин [Иноуэ, Арига 1884, 121], который впервые встречается в «Комментарии приложенных слов» («Си цы чжуань») (чжан 11) «И-цзина». Говоря о субстанции у Спинозы, Иноуэ употреблял слово *хонтай*, по смыслу скорее соответствующее изначальной сущности, настоящему облику. Большинство японских философских концепций XX в. отрицали субстанцию в феноменальном мире, вероятно, в силу укорененности в сознании буддийского принципа «взаимозависимого возникновения», опровергающего саму возможность неизменных, независимо существующих субстанций. В связи с этим появилось понятие несубстанциональности – *мудзуттай* 無実体 [Sueki 2018, 24].

Некоторые концепты провоцировали в Японии споры и опровержения, т.е. служили отправной точкой для критики, доказывающей их несостоятельность.

Так, одно из ключевых понятий философии Гуссерля – понятие «интенциональность» – было подвергнуто критике Нисидой Китаро, Вацудзи Тэцуро и другими представителями японской мысли XX в. Они отрицали интенциональность как ключевую

характеристику сознания. По словам Вацудзи Тэцуро, «то, что называется интенциональной активностью, есть не что иное, как продукт абстракции, которая прежде всего исключает элементы связей и отношений из наших действий, и затем представляет остаток как активность индивидуального сознания» [Вацудзи 1962, 36].

Формулируя различие в подходах с западной онтологией, базирующейся на понятиях «бытие» и «субстанция», Уэда Сидзутэру подчеркивает, что Киотоская школа в качестве центральных категорий, описывающих реальность, выработала концепты «абсолютное ничто», «пустота», «место», ставя на первый план связи и отношения, перемещая акцент с субстанциального на процессуальный аспект сущего. Также он выделяет характерные для философии «абсолютного ничто» Нисиды Китаро идеи «места» взамен «субстанции», «противоречивого самотождества» вместо «принципа тождества», «снятия оппозиции субъекта и объекта» вместо «дуализма субъекта и объекта», разума, внутренне присущего чувственности, вместо жесткого разделения разума и чувств [Ueda 2011, 24–25].

Поэтому тезис о том, что западноевропейская рациональность на сегодняшний день должна рассматриваться в качестве рациональности как таковой, не имеет достаточных оснований, если основываться только на аргументе использования западного понятийного аппарата.

Нельзя не констатировать, что в начале XX в. появилось общее пространство философского дискурса, в которое активно включились японские философы, и основанием для него стало появление общего проблемного поля. Вставшие перед японскими философами такие проблемы, как проблема индивида, субъекта, «я» и «другого», создания новой онтологии, а также проблема преодоления модернистской парадигмы мышления, диктовали необходимость оперирования существующими понятиями западной философии, их переосмысления и создания новых понятий. В этом отношении репрезентативными примерами могут служить примеры прочтения японскими мыслителями произведений Гуссерля и Хайдеггера, прежде всего, «Бытия и времени», и применения понятийного аппарата западной феноменологии для формулировки собственных идей. Нередко второстепенные понятия, использовавшиеся западными философами, становились центральными в учениях японских философов, и вокруг

них выстраивались целые теории, к примеру, понятие «места» с большой вероятностью было заимствовано Нисидой Китаро у Эмиля Ласка.

Понятие «субъект» изначально отсутствовало в японском языке. При переводе на японский язык оно обрело два эквивалента – *сютай* 主体 – экзистенциальный субъект, в который входит компонент «тело, сущность», и эпистемологический субъект *сюкан* 主観, вторым компонентом которого является «взгляд». Это понятие часто выступает как составная часть категориальной пары субъект-объект. Первый имел своим прообразом китайское слово, обозначающее императора. Хотя эти понятия использовались для перевода понятий «субъект» у западных мыслителей, японские философы придавали понятию «субъект» собственный смысл. К примеру, Нисида Китаро рассматривает субъект не как постоянный центр познавательной и деятельностной активности, обладающий определенными качествами, а как постоянно создающийся и трансформирующийся в потоке опыта [Карелова 2018, 203].

Японские философы XX в. оказались очень продуктивны в создании теорий «опосредующего элемента», с помощью которых предлагали свои подходы к решению целого ряда проблем, начиная с проблемы интерсубъективности и заканчивая моделированием исторического процесса. Таковыми являются концепт «взаиморасположенность» (*айдагара* 間柄) Вацудзи Тэцуро [Вацудзи 1962, 73], переведенный на английский язык как «betweenness» и как «milieu» – на французский, категория «место» (*басё*) у Нисиды Китаро (см.: [Nishida 2012]), теории «логики видов» Танабэ Хадзимэ (см.: [Tanabe 2010]), «структуры интерсубъективного существования» Хиромацу Ватару [Хиромацу 2017], идея «метаноэзиса» Кимуры Бина [Кимура 2005, 55] и др.

Заключение

Приведенные выше примеры позволяют сделать следующие выводы. Невозможно говорить о какой-либо фиксированной структуре понятийного аппарата мировой философии. Концепты западной философии подвижны и не создают жесткую рамку для существующей сегодня философской мысли.

Во-первых, они подвергаются определенным трансформациям в реальном дискурсе и в логико-смысловом контексте других языков. В них часто вкладываются новые содержательные оттенки,

и они начинают играть совершенно другую роль у незападного, скажем, японского философа.

Во-вторых, часто ключевые понятия западной философии обретают не один, а сразу несколько аналогов в незападных языках, выражающих различные смысловые стороны и нюансы этого понятия.

В-третьих, наличие набора концептов западного происхождения не исключает возникновения новых концептов, создаваемых незападными философами и постепенно становящихся достоянием мирового философского процесса.

В-четвертых, как, например, было в Японии, созданный в западной философии понятийный аппарат широко использовался, чтобы донести на Запад же, сделать всеобщим достоянием свои собственные смыслы. При этом понятийный аппарат западного происхождения получал новый толчок для дальнейшего развития уже в ином контексте.

Не менее важно существование философских категорий в общем проблемном поле. Было бы точнее сказать, что существующие философские категории скорее задают проблемное поле, нежели являются общими для всех константами.

Понятийная рамка мировой философии очень подвижна и размыта. Существуют самые общие контуры понятий, очертания смыслов, значительная часть из которых имеет западное происхождение. Однако следует различать эти общие контуры понятий и их концептуализацию тем или иным философом, принадлежащим к определенной культуре. Поэтому мы вправе выступать с суждениями лишь о частичном пересечении смыслов ключевых философских категорий.

В результате, строго говоря, каждый философ выстраивает собственный понятийный аппарат и свою систему координат каждый раз заново, хотя при этом имеет в поле своего зрения наследие многих философов различных направлений и эпох.

Страны, где существует развитый внутренний рынок интеллектуальной продукции и где есть возможность философствовать на национальном языке, более продуктивны и оригинальны в создании собственных новых концептов. В Японии сложно быть философом, не принимая во внимание наследие Киотоской философской школы.

Ориентация в пространстве западной понятийной рамки является необходимым, но недостаточным условием, чтобы философствовать в Японии.

Кроме того, идеи западных философов, изложенные в переводе на японский язык, получают новое звучание, они видятся под новым углом зрения. В этом контексте уместно упомянуть высказывания современного японского исследователя Кохама Ицуо, вынесенные в качестве ключевой идеи на суперобложку его книги «Японский язык – язык философии»: «Если философствовать на японском языке, то становится хорошо понятно, в чем ошибались Декарт и Хайдеггер» [Кохама 2018, суперобложка]. Задачу современной японской философии и свою лично он видит в следующем: «Преодолевая апории западной философии, возникшие благодаря ее логоцентричности, сделать радикальную попытку открыть новую философию на японском языке, основывающуюся на грамматической структуре японского языка» [Кохама 2018, суперобложка].

Что касается необходимости полного погружения в другую культуру, то в жизни его не происходит и не требуется. В условиях реального диалога всегда присутствует доля непонимания, тем не менее это не является непреодолимым препятствием для его конструктивного продолжения. В процессе коммуникации именно за счет интерпретации, переосмысления и происходит движение философии вперед. Полное погружение – это недостижимая сверхзадача для исследователя инокультурного философского текста. С другой стороны, переход в единую систему мировоззрения и логики будет означать сужение, обеднение картины мира, снижение творческого потенциала. Прочтение и критика со стороны «другого» интегрирует новые смыслы и часто дает дополнительный инструментарий для решения той или иной проблемы.

Недопонимание и неприятие порой оказываются более продуктивными, чем стремление полностью и безоговорочно встроиться в инокультурную систему координат. Появление новых проблем требует создания адекватного инструментария. Развитие японской философии демонстрирует наглядный пример открытости миру, успешного межкультурного диалога, в котором возникают новые подходы в результате переосмысления достижений различных культурных традиций и философских направлений.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Вацудзи 1962 – *Вацудзи Т.* Ринригаку [Этика]. Ч. 1 // Вацудзи Тэцуро дзэнсю [Полное собрание сочинений Вацудзи Тэцуро]. Т. 10. – Токио: Иванами сётэн, 1962.

Вдовина 2008 – *Вдовина И.С.* От переводчика. Диалог, или конфликт интерпретаций // *Рикер П.* Конфликт интерпретаций. – М.: Академический проект, 2008. С. 5–36.

Иноуэ, Арига 1884 – *Иноуэ Т., Арига Н.* Тэцугаку дзии [Словарь философских терминов]. – Токио: Тоёкан, 1884. – URL: <http://dl.ndl.go.jp/info:ndljp/pid/994560>

Карелова 2018 – *Карелова Л.Б.* Проблема субъективности в философии Нисиды Китаро: феноменологический аспект // Вопросы философии. 2018. № 2. С. 197–205.

Кохама 2018 – *Кохама И.* Нихонго ва тэцугакусурэ гэнго дэ ару [Японский язык – язык философии]. – Токио: Токума сётэн, 2018.

Кимура 2005 – *Кимура Б.* Айда [Между]. – Токио: Тикума гакудзюцу бунко, 2005.

Конфуцианское четверокнижие 2004 – Конфуцианское четверокнижие «Сы шу» / под. ред. Л.С. Переломова. – М.: Восточная литература, 2004.

Ниси 1960 – *Ниси А.* Тити кэймо [Логика и просвещение] // Ниси Аманэ дзэнсю [Полное собрание сочинений Ниси Аманэ]. Т. 1. – Токио: Мунэтака сёбо, 1960. С. 390–450.

Нисида 1965 – *Нисида К.* Дзикаку ни окэру тэккан то хансэй [Интуиция и рефлексия в самопостижении] // Нисида Китаро дзэнсю [Полное собрание сочинений Нисиды Китаро]. В 19 т. Т. 2. – Токио: Иванами, 1965.

Сино 2014 – *Сино Ё.* Гэнфуку то Ниси Аманэ – Сэйё гакудзюцу тайкэй-но исёку-о мэгуттэ [Янь Фу и Ниси Аманэ – О экспортировании системы западной науки] // Мэйдзи дайгаку кёё ронсю [Труды по образованию и культуре университета Мэйдзи]. 2014. Т. 502. № 9. С. 95–115.

Танабэ 2010 – *Танабэ Х.* Сю-но ронри [Логика видов]. – Токио: Иванами бунко, 2010.

Хиромацу 2017 – *Хиромацу В.* Сэкай-но кёдо сюкантэки сондзай кодо [Структура интересубъективного существования мира]. – Токио: Иванами сётэн, 2017.

Эдзима 2015 – *Эдзима Н.* Киндай нихон-но дайгаку сэйдо то ринригаку – Токё дайгаку ни окэру кёйку катэй ни тякуганситэ [Система современного японского университета и этика – на основании учебных программ Токийского университета] // Дэнэнтёфугакуэн дайгаку киё = Bulletin of Den-en Chofu University. 2015. Т. 10. С. 137–151.

Nakahata 2018 – *Nakahata M.* From Ousia to Jittai: A Problematic Translation // Tetsugaku. 2018. Vol. 2. P. 29–46. – URL: http://philosophy-japan.org/wpdata/wp-content/uploads/2018/04/Tetsugaku_Vol.2_3.Nakahata.pdf

Nishida 2012 – *Nishida K.* Place and Dialectic: Two Essays by Nishida Kitarō / trans. by J.W.M. Krummel, S. Nagatomo; introd. by J.W.M. Krummel. – Oxford: Oxford University Press, 2012.

Shirai 2016 – Shirai M. The Rediscovery of Chinese Thought as “Philosophy” in the Japanese Meiji Period // Journal of International Philosophy. 2016. No. 5. P. 319–324.

Sueki 2018 – Sueki F. Philosophy Live. A Perspective from Japan. – Kyoto: International Research Center for Japanese Studies, 2018.

Ueda 2011 – Ueda S. Contributions to Dialogue with the Kyoto School // Japanese and Continental Philosophy. Conversations with the Kyoto School. – Bloomington, IN: Indiana University Press, 2011. P. 19–32.

REFERENCES

Ejima N. (2015) Kindai nihon-no daigaku seido to rinrigaku – Tokyo daigaku ni okeru kyoiku katei ni chakuganshite [Ethics in University Curriculum in Japan: Focusing on the Curriculum Development of Tokyo University]. *Den'en Chōfu gakuen daigaku kiyō* = *Bulletin of Den-en Chofu University*. Vol. 10, pp. 137–151 (in Japanese).

Hiromatsu W. (2017) *Sekai no kyōdō shukan-teki sonzai kōzō* [The intersubjective existence structure of the world]. Tokyo: Iwanami shoten (in Japanese).

Inoue T. & Ariga N. (1884) *Tetsugaku jii* [Philosophical Dictionary]. Tokyo: Toyokan. Retrieved from <http://dl.ndl.go.jp/info:ndljp/pid/994560> (in Japanese).

Karelova L.B. (2018) The Problem of Subjectivity in Philosophy of Nishida Kitarō: Phenomenological Aspect. *Voprosy Filosofii*. 2018. No. 2, pp. 197–205 (in Russian).

Kimura B. (2005) *Aida* [Between]. Tokyo: Chikuma gakujutsu bunko (in Japanese).

Kohama I. (2018) *Nihongo wa tetsugakusuru gengo de aru* [Japanese is the language to do Philosophy]. Tokyo: Tokuma shoten (in Japanese).

Nakahata M. (2018) From Ousia to Jittai: A Problematic Translation // *Tetsugaku*. Vol. 2, pp. 29–46. Retrieved from http://philosophy-japan.org/wpdata/wp-content/uploads/2018/04/Tetsugaku_Vol.2_3.Nakahata.pdf

Nishi A. (1960) Chichi keimo [Logic and Enlightenment]. In: *Nishi Amane Complete Works* (vol. 1, pp. 390–450). Tokyo: Munetaka shobō (in Japanese).

Nishida K. (1965) Jikaku ni okeru chokkan to hansei [Intuition and Reflection in Self-Awareness]. *Nishida Kitaro Complete Works* (vol. 2). Tokyo: Iwanami shoten (in Japanese).

Nishida K. (2012) *Place and Dialectic: Two Essays by Nishida Kitarō* (J.W.M. Krummel & S. Nagatomo, Trans.). Oxford: Oxford University Press.

Perelomov L.S. (Ed.) (2004) *Confucian Four Books “Si shū”*. Moscow: Vostochnaya literatura (in Russian).

Shino Y. (2014) Genfuku to Nishi Amane – seiyo gakujutsu taikai-no ishoku-o megutte [Yan Fu and Nishi Amane – On the transplantation of

Western arts and sciences system]. *Meiji daigaku kyoyo ronshu* [Meiji University Essays on culture and education]. Vol. 502, no. 9, pp. 95–115 (in Japanese).

Shirai M. (2016) The Rediscovery of Chinese Thought as “Philosophy” in the Japanese Meiji Period. *Journal of International Philosophy*. No. 5, pp. 319–324.

Sueki F. (2018) *Philosophy Live. A Perspective from Japan*. Kyoto: International Research Center for Japanese Studies.

Tanabe H. (2010) *Shu-no ronri* [Logic of species]. Tokyo: Iwanami bunko (in Japanese).

Ueda S. (2011) Contributions to Dialogue with the Kyoto School. In: *Japanese and Continental Philosophy. Conversations with the Kyoto School* (pp. 19–32). Bloomington, IN: Indiana University Press.

Vdovina I.S. (2008) From the Translator. Dialogue, or the Conflict of Interpretations. In: Ricœur P. *The Conflict of Interpretations* (pp. 5–36). Moscow: Akademicheskiiy proyekt (in Russian).

Watsuji T. (1962) Rinrigaku [Ethics]. Part. 1. In: *Watsuji Tetsuro zenshu* [Complete Works of Watsuji Tetsuro] (vol. 10). Tokyo: Iwanami shoten (in Japanese).